

УДК 911.3, 332.1

А. В. Лялина

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ
КАЛИНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В НОВЫХ УСЛОВИЯХ:
ЛОКАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА**

85

Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия

Поступила в редакцию 06.10.2023 г.

Принята к публикации 27.12.2023 г.

doi: 10.5922/sikbfu-2024-1-6

Для цитирования: Лялина А. В. Социально-экономическое развитие Калининградской области в новых условиях: локальная специфика // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2024. №1. С. 85–106. doi: 10.5922/sikbfu-2024-1-6.

Современное социально-экономическое развитие российских регионов происходит в условиях противодействия распространению пандемии COVID-19 и нарастания геополитической напряженности в противостоянии России и Запада. Целью настоящей статьи стал анализ общих и специфических особенностей развития Калининградского полуэксклава в 2017–2022 гг. с учетом его пространственной неоднородности. С использованием полимасштабного подхода на основе данных Росстата и Калининградстата осуществлена оценка экономической и социальной динамики муниципальных образований, а также региона в целом относительно других сходных субъектов РФ. Выявлено, что ключевую негативную роль для развития области сыграла высокая открытость экономики и зависимость от импорта или транзита в целом ряде отраслей. Дополнительное значение в 2020 г. имела высокая доля «простых» услуг в структуре экономики, а в 2022 г. — запрет на ввоз в развитые страны отдельных видов продукции (в частности, металлургической отрасли). При этом локальные градиенты определялись в значительной степени как уровнем трансграничного взаимодействия, так и специализацией экономики муниципалитетов. В зоне риска в разные годы оказывались приморские округа, обслуживающие спрос туристов и мигрантов, округа, специализирующиеся на металлургии, мясо- и рыбопереработке, мебельном производстве. В целом в динамике развития социальной сферы региона прослеживается менее драматичное сокращение, чем в экономическом его развитии, что было достигнуто распределением социальных выплат населению. Однако, призванные поддержать население наиболее пострадавших в экономическом отношении территорий, они не оказали позитивного влияния на конвергенцию муниципалитетов области по доходам населения.

Ключевые слова: социально-экономическое развитие, промышленность, доходы населения, социальные выплаты, кризис, пандемия COVID-19, муниципалитеты, Калининградская область

Введение

Развитие российских регионов начиная с 2014 г. происходит под влиянием сильнейших вызовов глобального (мирового), национального и регионального масштабов, которые определяют трансформацию миропорядка, его устремление к полицентричности и поляризации, росту изоляционизма. Среди них военно-политическое и социально-экономическое противостояние Запада и России [8; 30], сопровождающееся санкционной войной [27; 29], нарушение глобальных цепочек добавленной стоимости под воздействием пандемии COVID-19 [28], что актуализировало критику глобализации и поддержку возвращения к национальному государству [21, с. 105]. С. В. Рязанцев и В. К. Левашов называют происходящие события «нарастающим хаосом» [24, с. 29], но более точно, на наш взгляд, описывает ситуацию А. Г. Дружинин, который формулирует новый концепт — геополитическая турбулентность. Под этим термином понимается «ситуационная характеристика перманентной (слабо прогнозируемой и лишь отчасти регулируемой) череды изменений как в целом глобального политического миропорядка, так и положения в нем конкретной страны и ее отдельных пространственных составляющих (регионов, крупных городских агломераций), причем изменений фиксируемых, существенных для социума и его структур, отражаемых в общественном сознании, воплощенных в научном дискурсе» [7, с. 8].

Россия, будучи одним из акторов происходящих изменений, существенно отреагировала на внешние вызовы. Так, индекс валового внутреннего продукта в России в кризисные периоды (2015, 2020, 2022 гг.) демонстрировал сокращение и колебался в пределах 97,3–98,0 %¹. Волатильность российских регионов при этом в 2020 г. (за 2022 г. данные недоступны, за 2015 г. — несопоставимы из-за изменения методики учета) достигала 21,6 п. п. (от 85,6 % в Ненецком автономном округе до 107,2 % в Мурманской области)².

Калининградская область, являющаяся российским полуэксклавом на Балтике и находящаяся на западных рубежах страны в окружении так называемых недружественных стран (стран ЕС и НАТО), долгие годы развивалась по модели «коридора развития» [1, с. 549], укрепляя хозяйственные и социальные связи с сопредельными странами и их регионами. С одной стороны, это способствовало социально-экономическому развитию региона, как в отраслевом плане (развивались туризм, транспорт и логистика [6; 25; 26]), так и в пространственном (периферия получала стимул к развитию в рамках программ приграничного сотрудничества [5, с. 30]). С другой стороны, это обусловило зависимость регио-

¹ *Индексы физического объема валового внутреннего продукта (в процентах к предыдущему году) 2012–2022 гг.* // Росстат. 2023. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/VVP_god_s_1995-2022.xls (дата обращения: 20.09.2023).

² *Индексы физического объема валового регионального продукта и валовой добавленной стоимости по отраслям экономики 2017–2021 гг.* // Росстат. 2023. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/VRP_OKVED2_s_2016.xlsx (дата обращения: 20.09.2023).

нальной экономики от импорта и/или транзита товаров через территории сопредельных стран, что в нынешних условиях выступает одним из главных рисков для регионального развития. В связи с этим актуально изучить, насколько регион отличен от других субъектов РФ по специфике реагирования на внешние вызовы 2020 и 2022 гг. и каковы особенности его пространственного социально-экономического развития с учетом достаточно сложной (с точки зрения разнообразия) структуры административного устройства.

Таким образом, целью исследования стало обоснование общих и отличительных черт развития Калининградской области в 2017–2022 гг. относительно общей ситуации в стране и в ее отдельных, наиболее близких по ряду показателей к эксклаву регионах, с учетом неоднородности пространственного развития области. Выбор данного периода определяется переходом экономической статистики на ОКВЭД-2 в 2017 г.

Теоретические предпосылки

Основными вызовами для развития регионов в 2017–2022 гг. явились пандемия COVID-19 в 2020–2021 гг. и начало Специальной военной операции (СВО) России на Украине в 2022 г., ознаменовавшее новый этап в санкционном и контрсанкционном противостоянии со странами Запада.

Воздействие пандемии COVID-19 на развитие российских регионов достаточно подробно изучалось отечественными учеными. С учетом полученных результатов [10; 14; 17; 19; 20] можно заключить, что на социально-экономическую динамику регионов в этот период оказали влияние следующие особенности. Во-первых, открытость региональной экономики, то есть вовлеченность в глобальные цепочки добавленной стоимости (прежде всего в нефтедобывающей отрасли и автомобильной промышленности), выступает риском для развития региона. Во-вторых, специализация экономики на производстве товаров длительного пользования (автомобили) оказывалась менее выгодной, чем на производстве товаров повседневного спроса. В-третьих, диверсификация региональной экономики, как правило, обеспечивает меньшую подверженность рискам. В-четвертых, сложность региональной экономики (а именно сферы услуг), тесно связанная с высоким качеством управления и человеческого капитала, инновационности экономики, способствовала большей устойчивости к рискам (например, в столичных регионах). В-пятых, малый бизнес, вопреки опасениям, оказался фактором, поддерживающим экономику регионов, благодаря своей повышенной гибкости и способности в кратчайшие сроки подстраиваться под текущие экономические условия. В-шестых, ситуация на рынках труда во многом была обусловлена институциональными мерами поддержки. Наконец, в-седьмых, реализация крупных инвестиционных проектов, начатых в предкризисный период, способна выступить одним из факторов положительной динамики развития региона в период кризиса.

Влияние на российские регионы изменения внешних условий в 2022 г. оказалось более ощутимым. Ученые сходятся во мнении, что наиболее пострадали те из них, экономика которых была наиболее вов-

лечена в глобальный рынок [9; 17]. При этом значение имели не только сами объемы внешней торговли, но и ее география. Специализация на подсанкционных отраслях — черной металлургии и производстве руды, автомобильной промышленности, добыче нефти и газа — также выступает важнейшим фактором отрицательной динамики [9; 11; 17]. Смягчающий эффект при этом характерен для сферы туризма вследствие роста внутреннего туризма, а также аграрного сектора ввиду сохраняющегося спроса на пищевую продукцию внутри и за пределами страны.

Применительно к проблематике нашего исследования интерес представляют также немногочисленные работы, учитывающие специфику пространственного развития регионов на локальном уровне в рассматриваемый период. Так, отмечалось, что крупнейшие города и агломерации в пандемию восстанавливались быстрее прочих, в том числе по причине наличия важнейших конкурентных преимуществ (например, интеллектуального капитала, высокой степени диверсификации экономики и др.) [10, с. 215; 14, с. 151; 18, с. 228; 19, с. 5]. На значимость отсутствия управленческих компетенций в отдаленных (северных) муниципалитетах указывают авторы коллективной монографии [22, с. 121]. В то же время в крупных городах следствием кризиса 2020 г. явился рост социального расслоения общества [18, с. 228]. Как на региональном, так и на муниципальном уровне территории, специализирующиеся на добыче полезных ископаемых, оказались в период пандемии в зоне риска [22, с. 122]. Негативным фактором для развития приграничных территорий Калининградской области стало закрытие границ, с одной стороны, и их периферийность — с другой [31, с. 347].

При этом на сегодняшний день влияние обоих кризисов на развитие Калининградского эксклава изучалось только в сопоставлении с другими субъектами РФ и осуществлялось по ограниченному набору показателей. А применительно к локальному уровню с акцентом на кризисные 2020 и 2022 гг. такое исследование проводится впервые.

Методы и материалы

В соответствии с обозначенной целью исследование потребовало применения полимасштабного подхода, чем обусловлена его двухчастная структура. В первой части осуществлено сопоставление и обоснование социально-экономической динамики развития Калининградской области и отдельных регионов европейской части России, наиболее схожих с эксклавым регионом по различным аспектам развития (табл. 1). При выборе субъектов РФ для анализа внимание обращалось на следующие характеристики регионов, оказавшие, согласно проведенным ранее исследованиям [9; 12; 16; 17], важнейшее влияние на их развитие в указанные кризисные годы: приграничное или приморское положение, специализация на автомобилестроении, высокая доля сферы услуг в экономике, высокая зависимость от импорта, повышенная доля малого и среднего предпринимательства (МСП) в экономике, высокий миграционный прирост населения, пониженный уровень доходов населения, повышенный уровень бедности.

Характеристика отдельных регионов РФ по некоторым чертам экономико-географического положения, экономики и социальной сферы

Регион РФ	Сектор границы	Выход к морю	Доля автопрома* в обрабатывающих производствах, 2020, %	Доля сферы услуг в экономике, 2018, %	Отношение импорта к ВВП, 2020, %	Доля МСП, %		ВВП, 2020, руб. на душу населения	Коэффициент сальдо миграции, 2021, ‰	Уровень бедности, 2021, %
						в структуре занятых, 2019	в ВВП, 2021			
Калининградская область	БП	+	46,3	66–68	90,30	33,5	34,4	530,0	15,72	13,4
Калужская область	–	–	34,2	58–60	76,67	27,3	23,3	558,2	22,50	8,9
Самарская область	–	–	35,9	62–64	10,19	26,6	24,0	505,1	2,60	11,7
Ленинградская область	БП	+	10,0	56–58	20,53	37,5	19,4	661,3	19,96	7,9
Смоленская область	ЗСП	–	3,8	62–64	38,50	24,8	32,5	386,3	1,54	14,3
Брянская область	ЗСП	–	20,4	64–66	17,64	20,4	28,1	347,2	0,77	13,0
Республика Крым	АЧП	+	4,2	64–66	0,57	н/д	33,1	270,4	6,50	16,2
Краснодарский край	АЧП	+	0,4	66–68	12,37	25,8	30,9	460,7	7,15	9,7
Среднее по РФ	–	–	10,0	65,2	17,70	25,6	21,6	640,5	2,95	11,0
Среднее по СЗФО	–	–	18,2	–	–	–	19,3	762,4	5,25	–

Примечание: БП – Балтийское побережье, ЗСП – Западное сухопутное побережье, АЧП – Азово-Черноморское побережье; *производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов; производство прочих транспортных средств и оборудования; серым цветом выделены значения характеристик, наиболее близкие к Калининградской области.

Источники: [16]; ЕМИСС; Витрина статистических данных; Промышленное производство в России. 2021 : стат. сб. М., 2021 ; Доля МСП в ВВП (с 2019 г.) // Росстат. 2023. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Doliy_MSP_v_VRP.xlsx (дата обращения: 31.07.2022); Занимательность в МСП: далеко ли до целей Стратегии-2030? URL: https://www.sberbank.com/common/img/uploaded/analytics/about-issledovaniya/smb_22_july_2019.pdf (дата обращения: 31.07.2022).

Источником данных для осуществления межрегиональных сравнений стали статистические сборники и информационные ресурсы Росстата (ЕМИСС, Витрина статистических данных).

Во второй части исследования проведен анализ экономической и социальной динамики развития 22 муниципальных образований (МО) Калининградской области. Ставилась задача найти ответы на вопросы, насколько соотносятся колебания социальных и экономических показателей на уровне муниципалитетов и приводят ли эти колебания к конвергенции муниципалитетов области по доходам населения. Источником данных о процессах, происходящих на муниципальном уровне, стали ежегодные выпуски официальных статистических сборников Калининградстата, а также База данных показателей муниципальных образований Росстата (<https://www.gks.ru/dbscripts/munst/>). Для анализа финансовых показателей хозяйствующих субъектов использовались базы данных сайта Audit-it.ru (<https://www.audit-it.ru/>) и службы раскрытия информации «Интерфакс-ЦРКИ» (www.e-disclosure.ru).

Произведен расчет σ -конвергенции муниципальных образований региона по доходам с использованием данных Росстата об объемах социальных выплат (ОСВ) и налогооблагаемых денежных доходах населения (НДДН), которые представляют собой упрощенный аналог макроэкономического показателя денежных доходов населения.

Результаты исследования

Место Калининградской области среди регионов РФ

Экономическое развитие. Наибольшее влияние на экономическое развитие Калининградской области в рассматриваемый период оказал кризис 2022 г., когда доля региона в совокупном объеме произведенных в стране товаров, выполненных работ и услуг сократилась почти на треть по отношению к 2017 г. Негативное влияние оказало сокращение производства продукции обрабатывающих производств (максимальное среди рассматриваемых регионов), среди которых наиболее сильно пострадало автомобилестроение вследствие ухода с российского рынка ряда зарубежных компаний. Так, по данным Калининградстата, индекс производства продукции автомобилестроения в регионе в 2022 г. составил только 31 %. Ключевую роль сыграло свертывание производства автомобилей BMW, Hyundai, Genesis и KIA на местном предприятии ООО «Авто-тор-МАШ», на который, по данным Калининградстата, в 2021 г. приходилось около 40 % всей производимой продукции обрабатывающих производств региона. По этому показателю регион имеет схожую динамику с Калужской и Самарской областями, которые также специализируются на автопроме. Стоит, однако, отметить, что доля Калининградской области в промышленном производстве России сократилась более значительно, чем в указанных регионах, в том числе и главным образом по причине более глубокого падения индексов производства в регионе (рис. 1).

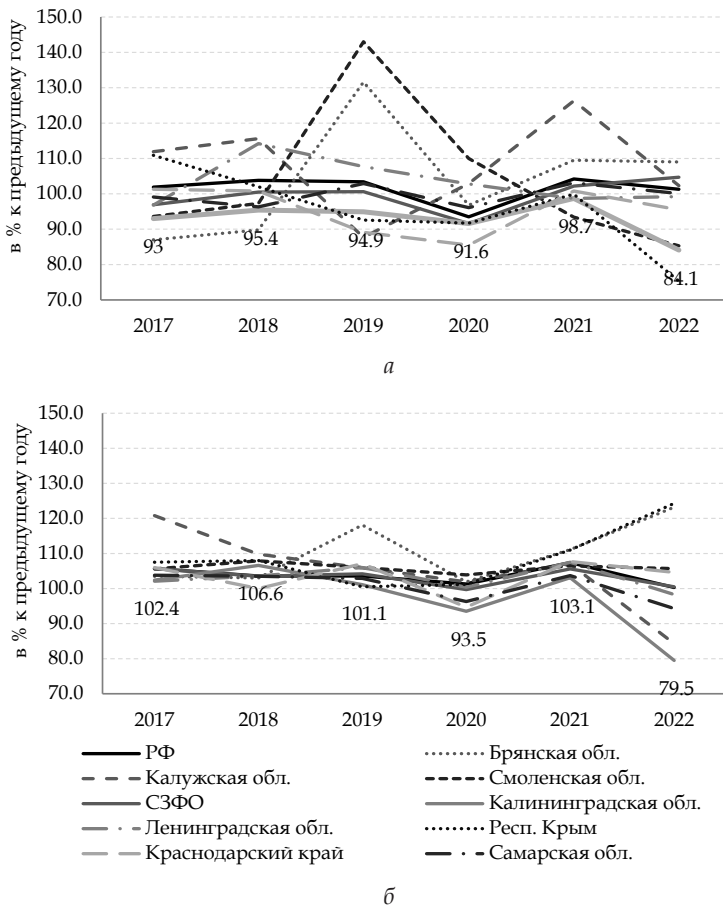

Рис. 1. Индекс промышленного производства:

а – добыча полезных ископаемых, б – обрабатывающие производства

Источник: Индекс производства (ОКВЭД2) // ЕМИСС. 2023. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/57807> (дата обращения: 02.09.2023).

Другими значимыми по объему производимой продукции отраслями промышленности региона, попавшими «под удар» в 2022 г., стали добыча нефти и природного газа (по данным Калининградстата, индекс производства составил 89%), а также производство электроники (индекс 75%), готовых металлических изделий (81%) и мебели (55,1%). Впрочем, доля последних в промышленном производстве региона не превышает 2–3%.

При этом для импортозависимой Калининградской области с началом СВО России на Украине и новым витком санкционной политики со стороны западных стран более значимыми стали ограничения на импорт зарубежных комплектующих и готовой продукции и на трансграничную логистику, чем запрет на экспорт российской продукции, произведенной в Калининградской области, поскольку под запрет восьми

пакетов санкций в 2021 г. попадало только 20 % экспорта (и 66 % импорта) [23, с. 50], а сами объемы экспортируемой продукции не столь высоки, как по импорту. Кроме того, доля недружественных стран в структуре экспорта за последние пять лет значительно сократилась (с 82 % в 2014 г. до 57 % в 2021 г.).

Зависимость региональной экономики от автомобилестроения негативно сказалась на развитии региона и в период пандемии COVID-19 [12, с. 9]: индекс производства составил 76 % в 2020 г. Однако в 2020 г. ее влияние было «сглажено» ростом потребления, поддержавшим прежде всего пищевое производство, а также ростом тех производств, которые остались вне «ковидных» ограничений (для региона важную роль сыграли пищевая и химическая промышленность, производство электроники и лекарственных препаратов). Несмотря на это, спад в обрабатывающих производствах в 2020 г. в регионе был также максимальным среди рассматриваемых субъектов. Негативно сказалась нарушенная из-за закрытия границ и введенных в ряде стран локдаунов логистика на доставку комплектующих и готовых изделий. Близкой к эксклаву по показателям сокращения объемов обрабатывающего производства в этот период оказалась только Самарская область, также продемонстрировавшая ощутимый спад в автомобилестроении (по данным Самарстата, индекс производства в 2020 г. составил 83,9 %). При этом в Калужской области, несмотря на сокращение производства продукции автомобилестроения (по данным Калугастата, индекс в 2020 г. был равен 82,3 %), общий индекс по обрабатывающим производствам в 2020 г. остался выше 100 %.

Другой особенностью калининградской экономики, оказавшей влияние на развитие области в период пандемии COVID-19, стала повышенная доля сферы услуг и МСП (особенно в сфере торговли и услуг) в экономике. И если в период наиболее жестких «ковидных» ограничений 2020 г. регион оказался в зоне риска, что отражают данные Калининградстата о сокращении объемов розничной торговли (-1,1 п.п. к 2019 г.), общественного питания (-23,6 п.п.) и платных услуг (-14,1 п.п.), то в следующем, 2021 г. сфера услуг стала одним из драйверов экономики. Причина кроется в возросшей популярности области как туристического направления – в регион в 2021 г. прибыло рекордное число туристов (1,9 млн человек)¹ и мигрантов из других регионов России [2, с. 149]. Подобная ситуация в целом характерна для Краснодарского края, Республики Крым, Ленинградской области, которые в этот период также показали высокую привлекательность для внутренних мигрантов и туристов. При этом в 2022 г. даже существенно сократившееся сальдо миграции (-61 % к 2021 г.)² и, в меньшей степени, поток туристов (-5 %

¹ Турпоток в Калининградскую область в 2021 году вырос на 10 % по сравнению с 2019 годом // Интерфакс. Туризм. 2021. URL: <https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/84202/> (дата обращения: 04.09.2023).

² Миграционное движение населения Калининградской области в 2011–2022 годах // Калининградстат. 2023. URL: [https://39.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Миграционное%20движение\(1\).pdf](https://39.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Миграционное%20движение(1).pdf) (дата обращения: 04.09.2023).

к 2021 г.)¹ позволили несколько «сжаться» только розничной торговле (главным образом непродовольственными товарами по причине ухода зарубежных брендов), а в остальных отраслях сферы услуг отмечался рост. Это позволяет предположить, что доходы населения оказались менее восприимчивыми к кризисным явлениям 2022 г.

Нетипично относительно других регионов страны складывалась ситуация в сфере строительства, в значительной степени обслуживающей спрос на недвижимость со стороны вновь прибывающего населения. Так, в 2020 г., несмотря на некоторое сокращение миграционного потока (97 % к 2019 г.), в регионе, по данным Росстата, отмечался «бум» жилищного строительства. Достигнутые в этот период рекордные темпы ввода жилья на уровне 1,3 тыс. м² на 1000 населения (6-е место в РФ в 2022 г.) сегодня отчасти не соответствуют сократившемуся спросу на рынке жилья (из-за снижения миграционной привлекательности региона и падения покупательной способности и доходов населения) и ведут к снижению цен.

Сельское хозяйство Калининградской области, чье значение для обеспечения продовольственной безопасности региона значительно возросло в рассматриваемый период [3, с. 425], развивалось более динамично, чем другие отрасли экономики (рис. 2). Регион продолжил наращивать собственное импортозамещающее производство в период пандемии COVID-19 [13, с. 14]. Основные вызовы в пандемийные годы, связанные с нехваткой рабочей силы, привлекаемой из-за рубежа, вследствие закрытия границ [15, с. 107], оказались не столь актуальными для области (в отличие, например, от южных аграрных регионов РФ) по причине низкой доли привлекаемых работников. Ключевую роль здесь сыграла более сбалансированная структура сельского хозяйства с пониженной долей растениеводства (52 % в Калининградской области против 72 % в Краснодарском крае), требующего, как правило, привлечения дополнительной рабочей силы в летний период. А стремительный рост производства продукции животноводства обеспечил общую позитивную динамику в сельском хозяйстве. Сложности в сфере логистики оказали также не столь заметное влияние. Напротив, на динамике производства сельскохозяйственной продукции положительно сказался дополнительный спрос в экономике, обусловленный притоком мигрантов и туристов в регион.

Развитие сельского хозяйства в 2022 г. испытывало влияние, с одной стороны, роста мировых цен на продукцию растениеводства, а с другой — сложностей с транспортировкой продукции, семян, удобрений, кормов и техники. Поэтому основной вклад в этот период внесло растениеводство, продукция которого активно поставляется на зарубежные рынки, преимущественно дружественных стран. Однако в других регионах преобладающего растениеводства рост оказался еще более заметным. На сектор животноводства региона негативным образом по-

¹ Калининградские власти считают успешными итоги турсезона в 2022 году // Интерфакс. Туризм. 2022. URL: <https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/94303/> (дата обращения: 04.09.2023).

влияло подорожание кормов и их доставки в регион, что сказалось на сокращении поголовья скота¹ и менее заметном увеличении индекса производства.

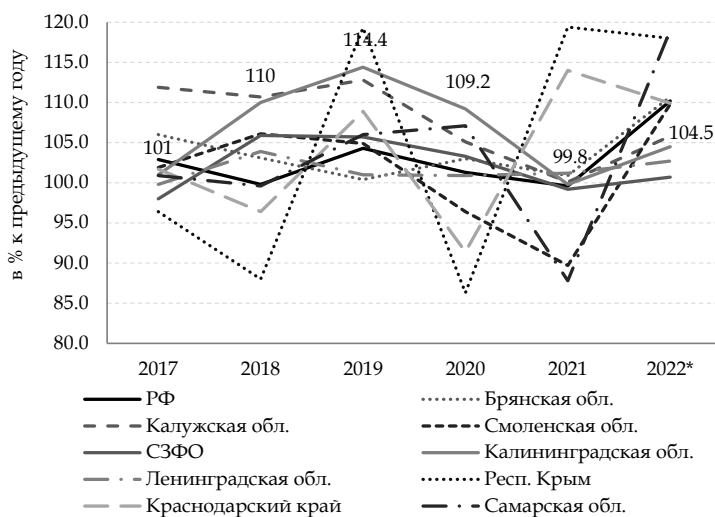

Рис. 2. Индекс сельскохозяйственного производства

Примечание: * — предварительные данные.

Источник: Индексы производства продукции сельского хозяйства (окончательные данные) с 2017 г. // ЕМИСС. 2023. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/59001> (дата обращения: 05.09.2023) ; Индексы производства продукции сельского хозяйства (предварительные данные) // ЕМИСС. 2023. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/34127> (дата обращения: 05.09.2023).

Социальная сфера. Анализ показателей денежных доходов населения Калининградской области демонстрирует ухудшение уровня жизни жителей региона в целом, характерное для страны и ее регионов в рассматриваемый период (рис. 3). Из-за более ощутимого падения реальных денежных доходов, прежде всего в 2022 г., а также в «ковидный» период, разрыв уровня доходов населения области со средними значениями по РФ и СЗФО РФ в 2022 г. возрос на 5 и 7 п.п. соответственно (до 28 и 34 % относительно 2017 г.)². Причиной стала «ценовая» реакция рынка труда на кризис 2020 г., то есть снижение уровня заработной платы в кризисных отраслях [4, с. 26]. Дополнительную негативную роль сыграло сокращение доходов той части населения, которая была связана с трансграничной торговлей.

¹ Поголовье скота в хозяйствах всех категорий по Калининградской области // Калининградстат. 2023. URL: <https://39.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Динамика%20поголовья%20скота%20в%20хоз.%20всех%20кат.%202023г.%20я-июнь.pdf> (дата обращения: 05.09.2023).

² Среднедушевые денежные доходы населения // ЕМИСС. 2023. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/57039> (дата обращения: 06.09.2023).

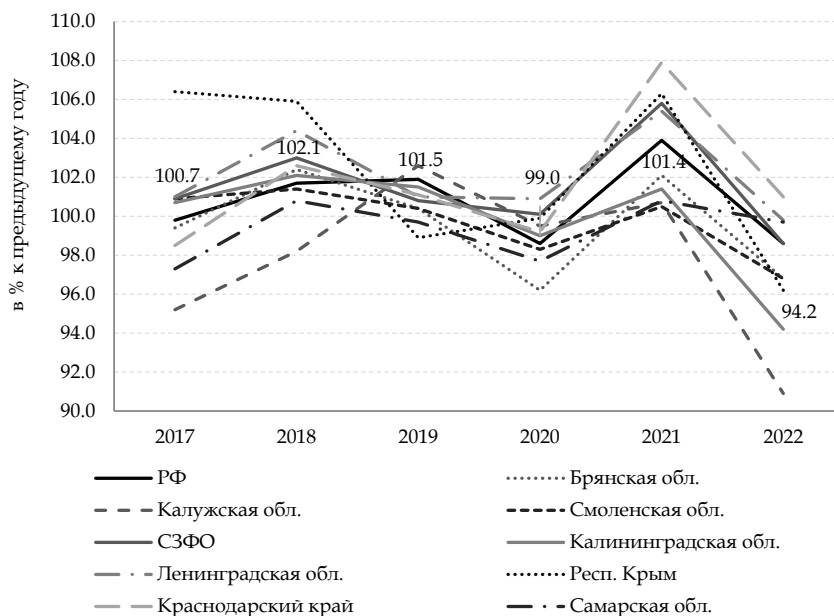

Рис. 3. Реальные денежные доходы населения

Источник: Реальные денежные доходы // ЕМИСС. 2023. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31422> (дата обращения: 06.09.2023).

В то же время данные о динамике реальной заработной платы работников организаций региона показывают относительно небольшое сокращение и в 2020, и в 2022 г. (рис. 4). Однако если в 2022 г., по данным Росстата, отрицательная динамика отмечалась в половине российских регионов и Калининградская область была в конце их списка, то в 2020 г. эксклав попал в число всего лишь двух субъектов-аутсайдеров.

Негативное влияние в 2020 г. оказало ощутимое падение оплаты труда работников торговли, гостиничного бизнеса и общепита, сферы недвижимости, транспорта, добычи полезных ископаемых¹, которое отчасти компенсировалось поддержкой со стороны государства работников бюджетной сферы и поддержкой крупными предприятиями своих сотрудников.

В отличие от пандемийного 2020 г., в 2022 г. наиболее пострадали работники обрабатывающих производств (реальная зарплата составила 98,7%) — их зарплата сокращалась быстрее зарплаты занятых в сфере услуг. Прежде всего снижение затронуло предприятия автомобилестроения (84,3%), мебельного (89,2%) и пищевого производства (96,1%). Однако ситуация на обрабатывающих производствах региона в целом оказалась несколько лучше, чем, например, в Калужской об-

¹ Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций (без субъектов малого предпринимательства) с 2017 г. // ЕМИСС. 2023. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/57823> (дата обращения: 07.09.2023).

ласти, где сокращение затронуло больше производств, а само падение оказалось более заметным (93,8 %). Напротив, в Ленинградской области, для которой также характерно максимальное падение реальной заработной платы в автопроме, общая динамика по обрабатывающим производствам оказалась благоприятной (101,9 %), что объясняется более глубокой диверсификацией промышленных производств.

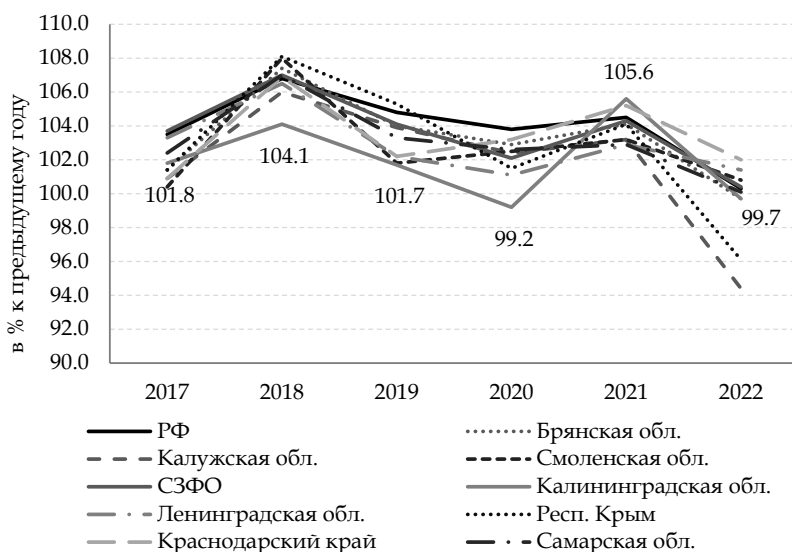

Рис. 4. Реальная начисленная заработная плата работников организаций

Источник: Реальная начисленная заработная плата в процентах к соответствующему периоду предыдущего года // ЕМИСС. 2023. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43245> (дата обращения: 07.09.2023).

Негативные тенденции в оплате труда в кризисные периоды были компенсированы подстройкой социальных выплат населению. Так, в Калининградской области индекс реального объема социальных выплат (ОСВ) в 2020 г. составил 109,7 % — это второе место среди рассмотренных субъектов РФ (рис. 5). Ведущую роль здесь сыграла поддержка семей с детьми, а также увеличение выплат пособия по безработице вследствие упрощения доступа к нему и повышения как его размера, так и числа получателей. Так, в Калининградской области, по данным Росстата, уровень официальной безработицы в 2020 г. вырос до 5,9 % (+34 % к 2019 г.).

В 2022 г., по мнению экспертов [9, с. 229; 17, с. 27], социальная поддержка граждан также увеличилась, но в среднем по стране расходы на социальную политику росли медленнее темпов инфляции [11, с. 54]. Преимущественно она была направлена на поддержку наименее защищенных лиц — пенсионеров, семей с детьми, а также военнослужащих и участников СВО России на Украине. Однако столь ошутимое падение реальных денежных доходов населения в регионе в этот период (94,2 %)

при чрезвычайно небольшом сжатии реальной заработной платы работников (99,7 %) свидетельствует о недостаточном уровне социальной финансовой поддержки населения, не позволяющем компенсировать рост цен в регионе.

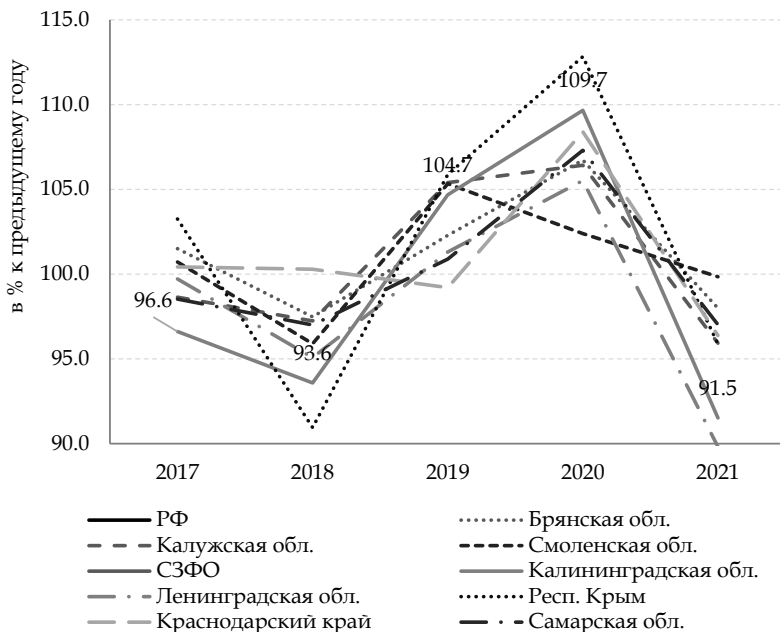

Рис. 5. Индекс реального ОСВ

Источник: Объем социальных выплат населению и налогооблагаемых денежных доходов населения в разрезе муниципальных образований. Динамические ряды // Росстат. 2023. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/urov_munst.htm (дата обращения: 07.09.2023) ; Индексы потребительских цен на товары и услуги // ЕМИСС. 2023. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31074> (дата обращения: 07.09.2023).

Социально-экономическая дифференциация муниципалитетов Калининградской области

Отмеченные закономерности социально-экономического развития Калининградской области по-разному проявлялись на муниципальном уровне.

Наблюдавшийся до 2017 г. тренд на конвергенцию доходов населения МО области сменился дивергенцией (рис. 6). Отклонение от среднего значения по муниципалитетам в 2021 г. относительно 2017 г. выросло в среднем в 2 раза. Более заметное влияние на это оказал неравномерный рост уровня оплаты труда на территории региона: в МО западной части области, более развитых и с более диверсифицированной экономикой, доходы росли быстрее, чем в восточных, менее развитых.

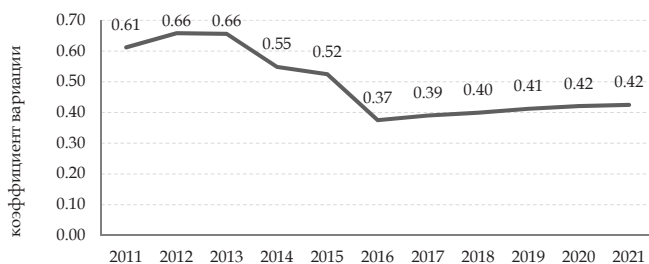

Рис. 6. σ -конвергенция среднедушевых доходов населения МО Калининградской области

98

Источник: Объем социальных выплат населению и налогооблагаемых денежных доходов населения в разрезе муниципальных образований. Динамические ряды // Росстат. 2023. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/urov_munst.htm (дата обращения: 07.09.2023).

Социальные выплаты населению в 2020 г. в большинстве своем не учитывали эти диспропорции и лишь углубляли разрыв (рис. 7).

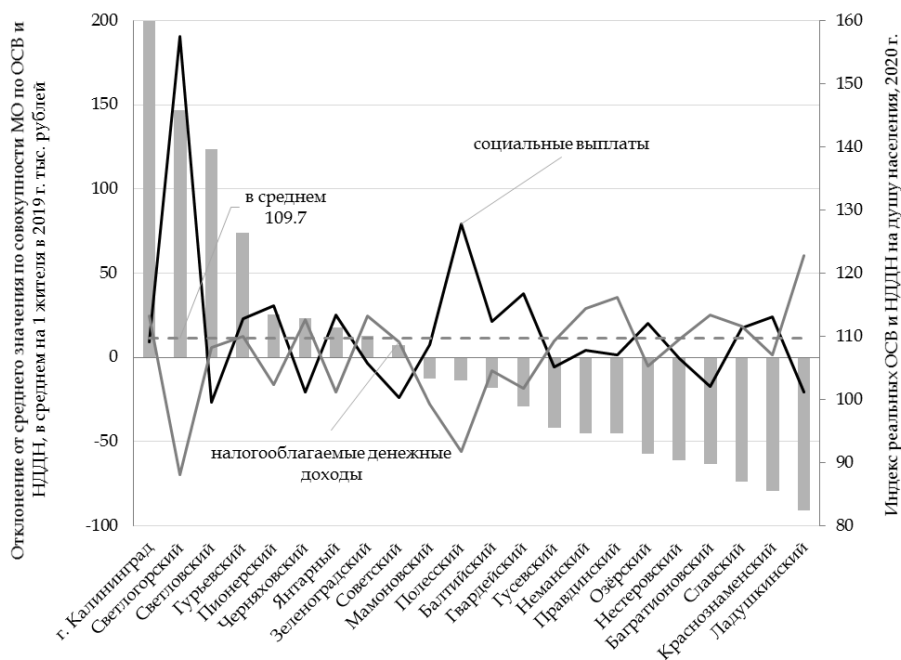

Рис. 7. Отклонение от среднего значения по совокупности МО по ОСВ и НДДН, в среднем на 1 жителя в 2019 г., тыс. рублей, и индекс реальных ОСВ и НДДН на душу населения, 2020 г.

Источник: Объем социальных выплат населению и налогооблагаемых денежных доходов населения в разрезе муниципальных образований. Динамические ряды // Росстат. 2023. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/urov_munst.htm (дата обращения: 07.09.2023).

В то же время распределение ОСВ по муниципалитетам области имеет довольно сильную обратную связь с динамикой реального размера НДДН. Коэффициент корреляции $-0,8$ свидетельствует о том, что социальная поддержка направлялась прежде всего в те МО, чья экономика больше всего пострадала.

Кроме того, очевидно, что значение имеет также размещение по территории области лиц — основных получателей социальной поддержки. Поэтому, заглядывая вперед в 2022 г., можно предположить, что, как и в 2020 г., вырастут ОСВ населению следующих МО: а) с повышенной долей пенсионеров (Ладушкинский, Пионерский, Светлогорский, Светловский, Янтарный, Неманский, Советский, Черняховский); б) с повышенной долей многодетных семей (Багратионовский, Краснознаменский, Неманский, Нестеровский, Озёрский, Правдинский, Славский). Отличием кризиса 2022 г. от кризиса 2020 г. станет смещение акцента с безработных на семьи военнослужащих и участников СВО России на Украине. В связи с этим в распределении ОСВ могут быть заметны округа со значимой долей военного контингента (Балтийский и Гвардейский).

Динамика реальной среднемесячной заработной платы показывает ее сокращение в 2020 г. в МО, специализация экономики которых оказалась в зоне наибольших рисков в пандемию COVID-19. Наиболее пострадали МО следующих типов:

— МО с высокой долей сферы услуг в структуре экономики, прежде всего торговли, общественного питания, операций с недвижимостью. Так, по данным Калининградстата, в туристско-рекреационном Светлогорском ГО индекс реальной заработной платы в 2020 г. составил 93 %, в гостиничном бизнесе и общепите — 93 %, торговле — 99 % при падении объемов общественного питания в 4 раза (в среднем по региону падение не превышало 25 %). В Гурьевском округе реальный размер заработной платы в гостиничном бизнесе и общепите составил 91 %, в Калининграде — 97 %;

— промышленные МО вследствие нарушения логистических цепочек: Гвардейский, Балтийский, Мамоновский округа. Здесь отрицательная динамика в обрабатывающих производствах отмечалась одновременно и в оплате труда, и в объемах отгрузки. Негативную роль в Гвардейском и Мамоновском округах сыграла специализация на переработке мяса и рыбы, для Балтийского округа ключевое значение имело судостроение и судоремонт.

В то же время в ряде случаев такая явная взаимосвязь динамики заработной платы и объемов производства не очевидна. Так, например, в Гурьевском округе при значительном (более 15 %) сокращении промышленного производства на обрабатывающих предприятиях реальная зарплата не падала. А при росте производства сельскохозяйственной продукции реальная заработная плата работников сельского хозяйства сократилась. Это свидетельствует о дополнительной поддержке предприятиями, прежде всего обрабатывающими, своих сотрудников в период кризиса, в том числе при содействии государства.

Обращаясь к анализу экономической динамики вне взаимосвязи с динамикой реальных заработных плат, можно отметить сокращение вследствие повышенной подверженности рискам в 2020 г. в следующих МО:

– с экономикой, существенно зависящей от внешних поставок [3] (например, Гусевский ГО с ориентацией на производство бытовой электроники);

– находящихся на границе порубежья с Польшей, вовлеченных в торговлю зарубежными товарами (так, в Мамоновском ГО и соседнем Багратионовском округе оборот розничной торговли в 2020 г. сократился почти в 2 раза, тогда как в среднем по региону – лишь на 2 %);

– периферийных, имеющих слабо диверсифицированную экономику, специализирующихся на добыче нефти (Краснознаменский округ, где индекс отгрузки составил 53 % от значений 2019 г.);

– на территории которых находились компании с иностранным капиталом, которые обанкротились (например, Неманский округ, где в 2020 г. обанкротилась крупная фабрика обоев ООО «Индустриальный парк Акулово» с учредителем из Великобритании);

– городских округах, сельские территории в составе которых невелики и по размерам, и по числу жителей [13, с. 50], а также в Гусевском ГО, где наблюдалось сокращение объемов сельскохозяйственного производства.

Фактором повышения устойчивости в пандемию COVID-19 (2020 – 2021) стал рост популярности калининградских МО среди туристов и мигрантов из других регионов РФ, что поддержало отрасли, ориентированные на обслуживание спроса со стороны вновь прибывшего населения: менее зависимое от поставок извне пищевое производство (например, молочное), строительство, гостиничный бизнес и общественное питание (в 2021 г.). Ярким примером здесь может служить Полесский округ, где реальная средняя зарплата в 2020 г. выросла до 108 %, а на обрабатывающих производствах (основу которых составляет пищевая промышленность) – до 200 % при индексе отгрузки 181 %. В приморских курортах региона, областном центре и его пригородах отмечался стремительный рост объемов жилищного строительства и цен на него. Так, прирост общей площади жилых помещений, по данным Калининградстата, в Зеленоградском МО в 2022 г. относительно конца 2017 г. составил 148 %, в Гурьевском МО – 131 %, в Светлогорском ГО – 120 %, в Калининграде и Пионерском – 114 %.

Дополнительным конкурентным преимуществом стала специализация на отраслях «роста» в период пандемии COVID-19 (например, фармпроизводство в Багратионовском МО) и менее подверженных «ковидным» ограничениям (сельское хозяйство в Правдинском и Славском округах).

Последствия 2022 г. оказались более значимыми для МО области, чем влияние пандемии 2020 г. Специфика этого кризиса заключалась в следующем.

Во-первых, снижение реальной заработной платы оказалось более масштабным, чем сокращение объемов производства (рис. 8). По сравнению с 2020 г. в два раза выросло число округов, где реальная заработная плата сократилась. Глубже стало и само падение. Фактически небольшое увеличение (индекс реальной заработной платы в 2022 г. составил 102–105 %) продемонстрировали только Гвардейский, Черняховский, Светловский и Ладушкинский округа, и более ошутимое – Краснозна-

менский (117 %). В последнем рост был сопряжен с резким ростом оплаты труда занятых административной деятельностью, деятельностью в области информации и связи, строительством.

Рис. 8. Характеристика муниципальных образований с негативной динамикой реальной заработной платы и объемов отгрузки товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами

Источник: База данных показателей муниципальных образований // Росстат. 2023. URL: <https://www.gks.ru/dbscripts/munst/> (дата обращения: 26.09.2023).

При этом самым масштабным по количеству охваченных МО стало сокращение реальной заработной платы в торговле (здесь рост фиксировался только в приморских, наиболее привлекательных для туристов курортах — Светлогорском и Пионерском) в результате как снижения спроса на товары (главным образом в областном центре) из-за сокращения доходов населения, так и роста цен на них. Самым глубоким оказался спад на обрабатывающих производствах (индекс составил 92 %), в сельском и лесном хозяйстве, охоте, рыболовстве и рыбоводстве (92 %).

В то же время очевидно, что спад реальной заработной платы в муниципалитетах области в значительной степени компенсировался социальными выплатами населению, поскольку объемы розничной торговли повсеместно росли (кроме Калининграда и Багратионовского округа).

Во-вторых, сокращение объемов отгрузки товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами также затронуло большее число МО области (14 против 12 в 2020 г.). Несколько изменился и состав наиболее пострадавших МО:

- реализующие продукцию, попавшую под санкции (металлургия) — Гвардейский, Гурьевский, Черняховский округа, Калининград;
- на территории которых действовали предприятия с иностранным капиталом (например, в области деревообработки — Гвардейский МО, в автомобилестроении — Калининград);

- экспортирующие продукцию в западные страны (например, продукцию мебельной промышленности – Калининград, Светловский округ);
- предприятия которых зависели от внешних поставок (в мясо- и рыбопереработке, мебельной промышленности – Калининград, в судостроении и судоремонте – Балтийский округ);
- с высокой долей транспортных и логистических компаний, осуществляющих международные автомобильные грузоперевозки (Калининград, Гурьевский округ).

Выводы

102

Развитие Калининградской области в 2017–2020 гг. в целом соответствовало описанным ранее особенностям воздействия кризисов 2020 и 2022 гг. на российские регионы. Негативную роль во время этих двух кризисов сыграла открытость калининградской экономики и ее зависимость от импорта из недружественных стран и транзита через территорию Литвы. При этом приграничные муниципалитеты в 2020 г. оказались более восприимчивыми к ограничениям, связанным с пересечением границ, чем внутренние. Организациям региона пришлось срочно перестраиваться под новые реалии, а властям – продемонстрировать навыки кризисного управления регионом. Повышенная доля МСП, которая в период кризиса пандемии изначально рассматривалась как риск устойчивому развитию [32, р. 77], впоследствии позволила более гибко адаптироваться к стремительно меняющимся условиям (притоку туристов и мигрантов, росту спроса на импортозамещенные товары).

Помимо автопрома, чья уязвимость в период кризисов описана выше, еще одной «болевым точкой» в кризис 2020 г. для отдельных территорий региона стала переработка мяса и рыбы, зависимость которой от внешних поставок остается высокой. И если областной центр с более диверсифицированной экономикой смог преодолеть последствия сокращения объемов автомобильного производства, то небольшие округа со специализацией на производстве мясной и рыбной продукции продемонстрировали глубокое падение.

Узкая специализация вызвала трудности и для приморских курортов – здесь сокращались объемы оборота и заработная плата работников в гостиничном бизнесе и на предприятиях общественного питания. Однако в последующем эта же специализация обеспечила развитие данных МО.

Специализация на отраслях, менее подверженных влиянию кризиса 2020 г., например на сельском хозяйстве (Полесский округ), фармпроизводстве (Багратионовский округ) или строительстве (в Калининградской агломерации), стала фактором развития.

Кризис 2022 г. сказался на динамике развития региона острее: в $\frac{2}{3}$ МО отмечалось сокращение реальной заработной платы на фоне отрицательной динамики экономических показателей. Самое глубокое падение зафиксировано, как и в других регионах РФ, в центре Калининградской агломерации с полумиллионным населением – г. Калининграде, концентрирующем на своей территории предприятия, на которых в

наибольшей степени отразились санкционное воздействие со стороны западных стран (металлургия), отказ от сотрудничества (автопром), сложности с логистикой (мебельная промышленность, мясо- и рыбопереработка), ограничения на пересечение границы (автомобильные грузоперевозки).

В то же время фактором, повышающим устойчивость региона к кризисам 2020 и 2022 гг., стали высокий человеческий потенциал и инвестиции, прежде всего из федерального бюджета в связи с высокой геостратегической значимостью региона.

«Сглаживающий» эффект в 2022 г. в большей степени, чем в 2020 г., оказали, судя по всему¹, и социальные выплаты населению, которые поддержали потребительский спрос в первую очередь на товары повседневного потребления, о чем свидетельствует положительная динамика в торговле. На растущих объемах жилищного строительства в основном сказался спрос со стороны вновь прибывающего населения и продление программ льготной ипотеки.

Произошедшие изменения в экономике не способствовали конвергенции МО области по доходам населения, несмотря на то, что социальные выплаты направлялись наиболее пострадавшим в кризисные периоды МО. По этой причине существуют опасения относительно дальнейшего ухудшения социально-экономической ситуации в регионе в связи с увеличением расслоения его населения и рисками нарастания социальной напряженности в обществе.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-18-00180 «Поливариантность детерминант и трендов экономической динамики муниципальных образований России: концептуализация, идентификация и типологизация в интересах государственного регулирования пространственного развития») в Институте народнохозяйственного прогнозирования РАН.

Список литературы

1. Анохин А. А., Федоров Г. М. О формировании регионов — международных коридоров развития в западном порубежье России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. 2019. № 64 (4). С. 545—558. doi: <https://doi.org/10.21638/spbu07.2019.403>.
2. Волошенко К. Ю., Лялина А. В., Фарафонова Ю. Ю., Новикова А. А. Профессиональные факторы и механизмы привлечения в Калининградскую область мигрантов из регионов России // Регионоведение. 2023. Т. 31, № 1. С. 143—165. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.122.031.202301.143-165>.
3. Волошенко К. Ю., Морачевская К. А., Новикова А. А. и др. Трансформация продовольственной самообеспеченности Калининградской области в условиях внешних вызовов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле. 2022. № 67 (3). С. 409—430. doi: <https://doi.org/10.21638/spbu07.2022.302>.
4. Гимпельсон В. Е. Зарплата и потоки на российском рынке труда в условиях ковида. М., 2021.

¹ На момент подготовки статьи данные об ОСВ и НДДН в 2022 г. не были опубликованы.

5. Гончарова Ю. В. О тенденциях развития приграничного сотрудничества в Калининградской области // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки. 2019. №2. С. 23–34.
6. Гуменюк И. С., Студжиницки Т. Транспортные связи и перспективы их развития между приграничными воеводствами Республики Польша и Калининградской областью Российской Федерации // Балтийский регион. 2018. Т. 10, №2. С. 114–132.
7. Дружинин А. Г. Геополитическая турбулентность и ее экономико-географические проекции (на примере Западного порубежья России) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки. 2020. №2. С. 5–15.
8. Залиханов М. Ч. Россия и запад: Глобальные вызовы и проблемы // Вестник Московского университета. Сер. 27. Глобалистика и геополитика. 2019. №1. С. 5–22.
9. Зубаревич Н. В. Регионы России в новых экономических условиях // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. №3 (55). С. 226–234. doi: 10.31737/2221-2264-2022-55-3-15.
10. Зубаревич Н. В. Регионы России в период пандемии: социально-экономическая динамика и доходы бюджетов // Журнал Новой экономической ассоциации. 2021. №3 (51). С. 208–218. doi: 10.31737/2221-2264-2021-51-3-10.
11. Зубаревич Н. В., Землянский Д. Ю. Консолидированные бюджеты субъектов Российской Федерации в 2022 г.: основные тенденции // Экономическое развитие России. 2023. Т. 30, №3. С. 47–54.
12. Зубаревич Н. В., Сафронов С. Г. Регионы России в острой фазе коронавирусного кризиса: отличия от предыдущих экономических кризисов 2000-х // Региональные исследования. 2020. №2 (68). С. 4–17. doi: 10.5922/1994-5280-2020-2-1.
13. Калининградское село в начале XXI века: производство, расселение, социальные инновации : монография / под ред. Г. М. Федорова. Калининград, 2022.
14. Коломак Е. А. Экономические последствия COVID-19 для регионов России // ЭКО. 2020. №12 (558). С. 143–153.
15. Красинец Е. С. Международная трудовая миграция в развитии современной России // Народонаселение. 2022. Т. 25, №2. С. 104–115. doi: 10.19181/population.2021.24.3.9.
16. Кузнецова О. В. Уязвимость структуры региональных экономик в кризисных условиях // Федерализм. 2020. №2. С. 20–38.
17. Кузнецова О. В. Новые закономерности в современной динамике социально-экономического развития регионов России // Региональные исследования. 2023. №1. С. 19–30. doi: 10.5922/1994-5280-2023-1-2.
18. Кузнецова О. В. Пространственное развитие в постковидный период: новые вызовы или старые проблемы // Журнал Новой экономической ассоциации. 2021. №3 (51). С. 226–232.
19. Кузнецова О. В. Трансформация пространственной структуры экономики в кризисные и посткризисные периоды // Регион: экономика и социология. 2022. №2 (114). С. 33–57.
20. Кузнецова О. В., Бабкин Р. А. Отраслевая структура экономики российских регионов как фактор их развития в 2020 г. // Федерализм. 2021. Т. 26, №3 (103). С. 5–28. doi: <http://dx.doi.org/10.21686/2073-1051-2021-3-5-28>.

21. Лебедева М. М. Влияние пандемии COVID-19 на мировую политику // Вестник МГИМО. 2022. №15 (1). С. 92–110. doi: 10.24833/2071-8160-2022-1-82-92-110

22. Муниципальные образования северных регионов Российской Федерации в период пандемии: результаты социологического опроса и статистических исследований / Г. В. Кобылинская, С. В. Федосеев, Д. Л. Кондратович, Т. И. Барашева ; под науч. ред. Г. В. Кобылинской, С. В. Федосеева. Апатиты, 2022.

23. Реструктуризация внешних торговых связей Калининградской области (2014–2022) : информационно-аналитический доклад / Г. М. Федоров, А. А. Новикова. Калининград, 2023.

24. Рязанцев С. В., Левашов В. К. Последствия пандемии COVID-19 для общества: политический, социально-экономический и демографический аспекты // Пандемия COVID-19: Вызовы, последствия, противодействие : монография / под ред. А. В. Торкунова, С. В. Рязанцева, В. К. Левашова [и др.]. М., 2021. С. 29–42.

25. Себенцов А. Б., Колосов В. А., Зотова М. В. Туризм и приграничное сотрудничество в Калининградской области // Вестник Московского университета. Сер. 5. География. 2016. №4. С. 64–72.

26. Федоров Г. М. Калининградская область: приграничное приморское положение как географический фактор развития экономики // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Естественные и медицинские науки. 2018. №4. С. 5–17.

27. Федюнина А. А., Симачев Ю. В. Всегда ли международные санкции достигают своей цели? Ограничения санкционной политики // ЭКО. 2023. Т. 53, №7. С. 95–107.

28. Федюнина А. А., Симачев Ю. В., Кузык М. Г. Россия в ГЦСС до и после пандемии COVID-19: Накопленный опыт участия в цепочках, долгосрочные вызовы и следствия для политики // Мир после пандемии: глобальные вызовы и перспективы развития. М., 2022. (Мировое развитие ; вып. 23). С. 7–18.

29. Чанышев Р. Н., Исанов И. Э. Феномен «санкционной войны» в системе современных международных отношений // Наука. Общество. Оборона. 2021. Т. 9, №4 (29). С. 29–29. doi: <https://doi.org/10.24412/2311-1763-2021-4-29-29>.

30. Шарков Ф. И. Эскалация коллективным Западом конфликта с Россией: информационные истоки и динамика развития // Коммуникология : электрон. науч. журн. 2022. Т. 7, №1. С. 8–17.

31. Lialina A. V., Morachevskaya K. A. Economic Access to Food and COVID-19: New Challenges for the Russian Exclave // Regional Research of Russia. 2022. Vol. 12 (3). P. 335–349.

32. Yemelyanova L. L., Lyalina A. V. The labour market of Russia's Kaliningrad exclave amid COVID-19 // Baltic region. 2020. Vol. 12 (4). P. 61–82. doi: 10.5922/2079-8555-2020-4-4.

Об авторе

Анна Валентиновна Лялина – канд. геогр. наук, науч. сотр., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия.

E-mail: anuta-mazova@mail.ru

ORCID <https://orcid.org/0000-0002-8479-413X>

A. V. Lialina

SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE KALININGRAD REGION IN NEW CONDITIONS: LOCAL SPECIFICS

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia

Received 6 October 2023

Accepted 27 December 2023

doi: 10.5922/sikbfu-2024-1-6

106

To cite this article: Lialina A. V. 2024, Social and economic development of the Kaliningrad region in new conditions: local specifics, *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social science*, №1. P. 85–106. doi: 10.5922/sikbfu-2024-1-6.

In recent years, social and economic development has been taking place in Russian regions amidst efforts to counter the spread of the COVID-19 pandemic and the growing geopolitical confrontation between Russia and the West. This article aims to analyse the general and specific features in the development of the Kaliningrad semi-exclave between 2017 and 2022 while considering the territory's spatial heterogeneity. By employing a multi-scale approach and utilising data from Rosstat and Kaliningradstat, an evaluation is carried out of the economic and social dynamics of the region's municipalities and the region as a whole, compared to the country's similar territories. It is concluded that the region's high economic openness and reliance on imports and transit in various industries had a distinctly negative effect on its development. In 2020, the major aggravating factor was the substantial proportion of 'simple' services in the structure of the economy, while in 2022, the ban on the imports of certain types of products into developed countries, particularly those of the metal industry, exacerbated the situation. Local gradients were predominately accounted for by the level of cross-border interactions and the specialisation of municipal economies. In different years, districts at risk included coastal ones catering for the demand from tourists and migrants and those specialising in the metal industry, meat and fish processing and furniture production. In general, the region's social dynamics show a less dramatic decline than the economic dynamics, primarily due to the distribution of social payments to the population. While intended to support the population in the most economically affected areas, these measures did not yield a positive impact on the income convergence among the region's municipalities.

Keywords: socioeconomic development, manufacturing, income, social payments, crisis, COVID-19 pandemic, municipalities, Kaliningrad region

The author

Dr Anna V. Lialina, Research Fellow, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: anuta-mazova@mail.ru

ORCID <https://orcid.org/0000-0002-8479-413X>